

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОСЛАБЛЕНИЯ ПРИЗНАКА ДЕЙСТВИЯ НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВА*

По своей природе право – семиотическая система, которой свойственны все черты эволюции знаков. В этой системе действует своего рода семиотическая закономерность – трансформация от сильного символа к слабому, а затем и к совсем слабому [1. С. 11].

Явление «семиотического ослабления признака» – это юридический, лингвистический и культурный феномен. Лингвистический потому как связан с исторической семантикой, юридический – символизирует переход к гуманному правосудию, культурный – процесс замены одного явления другим.

Именно с точки зрения работы этого семиотического закона интересно проследить эволюцию понятия «месть». Материалом для исследования послужили законы английских королей [2]. Обратимся же к историческому аспекту данного понятия.

Обычай кровной мести, который нашел свое отражение в королевском законодательстве и ярко представленный в произведениях героического эпоса, сохранялся в Англии на всем протяжении англосаксонского периода. Общепринято, что кровная месть следовала только в случаях особо тяжких преступлений, но изучение древнейших законодательных памятников свидетельствует об обратном, а именно: варварские своды наглядно доказывают, что она *de facto* следовала за любым оскорблением.

Так, цитируя М. М. Ковалевского, можно сказать: «Говоря о кровной мести, историки

права обыкновенно допускают существование ее с самого начала только в случае совершения тяжких преступлений, убийств, увечий или оскорблений семейной чести. Беспристрастный разбор древнейших законодательных памятников не оправдывает такого заключения. Обращаясь к варварским сводам, мы находим в них решительное доказательство тому, что всякого рода правонарушение, не исключая имущественных, могли дать древнему германцу повод к мщению» [3. С. 26, 27, 31].

Если свободного англосакса постигала насильственная смерть, родственники убитого считали своим долгом мстить убийце либо же получить соответствующую компенсацию, причем ответчиками могли быть и родственники убийцы. Материальная компенсация за содеянное у англосаксов называлась «вергельдом» (*wergild* – «цена человека»). В качестве взаимозаменяемых употреблялись и другие термины – «*leodgeld*», «*forgeld*» [4. Р. 996–997]. По древнегерманскому обычному праву состояние кровной вражды признавалось обязательной нормой социального поведения мстителя, а не просто средством удовлетворения его личных чувств при потере родственника.

Все перечисленное нашло свое «кровное» отражение в мифологических и эпических сюжетах того времени у разных народов. Эпос англосаксов насыщен настроением враждебности, готовности к жестокой расправе, эпизодами яростного отмщения. Долг мщения мог даже вступить в

* Доклад А. С. Райковой на международной научной конференции «Римское частное право: многовековой опыт развития европейского права» (Новосибирск, 1–3 июля 2012 г.).

противоречие с иными чувствами и побуждениями, такими как, например, дружба или супружеская верность [5. С. 436].

Итак, изначально месть была ничем не ограничена. Юлиуш Макаревич так говорит о первоначальной неограниченности мести: «Rache ist ursprünglich unbeschränkt erlaubt. Alles hängt von dem Ermessen, aber auch von der Macht des Verletzten ab... Wenn beide Gegner Familien haben, beteiligen sich auch diese letzteren am Kampfe so lange, bis sie nicht selten sich gegenseitig ausrotten» [6. S. 246]. «Обиженный или его родственники становятся обидчиками, и так из одного поколения в другое, нередко до полного истребления одного из враждующих родов» [3. С. 37–38].

Но так не могло продолжаться бесконечно долго по причине того, что «результатом последовательного ее [кровной мести] применения могло быть только совершенное истребление одного из враждующих родов. Неудивительно поэтому, если стремление избежать такого исхода вызвало... попытку ограничения мести путем применения к ней начала равного возмездия» [3. С. 42–43]. *Таким образом, обычай кровной мести подвергается различным ограничениям.*

Одним из таких ограничений становится закон талиона, установление равенства между преступлением и наказанием. «Раньше, на предыдущей стадии убийство следовало в качестве отмщения не только за убийство, но и за любое нарушение должного шаблона. Исав хотел убить Иакова за то, что последний обманом получил право первородства; по «Русской правде», можно было мстить убийством не только за убийство, но и за кражу и нанесение ран. Теперь же, с установлением талиона, предписывается строгое равенство наказания с преступлением. «Душа за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу. Какой кто сделает вред ближнему своему, тем должно отплатить ему» [7. С. 379].

Историки древнего права основательно признают установление *jus talionis* новой стадией мести (М. М. Макаревич [6. S. 217], Р. Р. Черри [8. С. 45], Ш. Летурно [9. Р. 22], П. А. Сорокин [7. С. 379]). На ранних этапах развития права убийство следовало в качестве отмщения не только за убийство, но и за такие гнусные действия, как: посягательство на честь женщины, оскорбление словом или с применением насилия, преграж-

дение пути, осквернение могилы, которые вели к признанию правомочным состояние вражды между членами кровно-родственных коллективов потерпевшего и обвиняемого. Такой с точки зрения гражданского правопорядка самосуд расценивался как справедливое воздаяние за проступок. Впоследствии же, с установлением талиона, предписывалось строгое равенство наказания с преступлением. Воровство каралось символическим талионом – лишением руки, ослеплением преступника, так как кражу он совершил этими руками, а подвинули на кражу его глаза. *Так на основе института кровной мести складывалось талионное право, но оно не получило распространения у германцев.*

Следующим этапом ограничения кровной мести становится *система композиций*, т. е. денежного выкупа. Изначально обиженный мог пожелать на выбор: месть или взять выкуп, но со временем денежная компенсация вытеснила почти все акты мести.

Ранние англосаксонские правды уже пытаются заменить кровную вражду системой *штрафов – вергельдов*. Так, «Правда Этельберта», введенная в 600 г., представляет собой первую англосаксонскую компиляцию законов. В ней приводится интересная тарификация возмещения ущерба: *если кто-нибудь вцепится в волосы – 50 скэттов в возмещение; если проломает череп, пусть уплатит 10 шиллингов; если искалечит плечо – 30 шиллингов; проткнет нос – 9 шиллингов; за передние четыре зуба, за каждый – 6 шиллингов, за ближний к ним зуб – 4 шиллинга, за следующий – 3 шиллинга и далее – шиллинг за каждый зуб; если отсечет большой палец руки – 20 шиллингов, собьет ноготь большого пальца – 3 шиллинга. Если отсечет указательный палец – 9 шиллингов, средний палец – 4 шиллинга, безымянный палец – 6 шиллингов, мизинец – 11 шиллингов и т. д.*

Конец IX столетия характеризуется четкой юридически зафиксированной градацией вергельдов. Свободные англосаксы делились на «двухсотшиллинговые», «шестисотшиллинговые» и «тысячадвухсотшиллинговые». Определение вергельда по знатности рода встречается также у вестготов, лангобардов и баваров.

Be wergilde, 1: «Twelfhyndes mannes wer is twelfhund scyllinga. Twyhyndes mannes wer is twahund scill'» [2. Р. 174]. – Вергельд ты-

сячедвухсот [шиллингового] человека (twelfhyndes mannes) равен 1 200 шиллингов. Вергельд двухсот [шиллингового] человека (twyhyndes mannes) равен 200 шиллингам.

Be wergilde, 2: «Gif man ofslægen weorðe, gylde hine man swa he geboren sy» [2. P. 174]. – Если будет убит какой-нибудь человек, за него следует платить возмещение сообразно его происхождению.

Эта тенденция находила поддержку у королевской власти. Вместе с тем во времена королей Инэ (688–726) и Альфреда Великого (871–899) пострадавшая сторона могла выбрать: получить компенсацию за убитого в денежном или материальном выражении либо начать мстить.

Ine, 12: «Gif ðeof sie gefongen, swelte he deaðe oððe his lif be his were man aliese» [2. P. 110]. – Если вор пойман, он понесет смертную казнь или же за его жизнь должен быть заплачен выкуп, вергельд.

Одновременно предусматривались и случаи, когда разрешалось мстить, если убийца не в состоянии был выплатить вергельд.

Ine, 74: «Gif ðeow-wealh Engliscne monnan ofslihð, þonne sceal se ðe hine ah weorpan hine to honda hlaforde 7 mægum oððe .lx. scillinga gesellan wið his feore» [2. P. 148]. – Если несвободный уиль убьет человека английского происхождения, то его владелец должен выдать его господину и родным [убитого] или уплатить [им] 60 шиллингов за его [раба] жизнь.

Ine, 74.1: «Gif he þonne þone ceap nelle foregesellan, þonne mot hine se hlaford gefreogean; gielden siððan his mægas þone wer, gif he mægburg hæbbe freo; gif he næbbe, heden his þa gefan» [2. P. 148]. – Если же он не хочет за [него] дать эту цену, то господин может его освободить; тогда его [убийцы] родные должны уплатить вергельд [убитого его родне], если он [раб] имеет свободную родню; если он [таковой] не имеет, они [родственники убитого] могут мстить.

Кровные родственники должны были платить штраф, если их родич-преступник был в бегах или физически не мог ответить за преступление.

Æthelberht, 23: «Gif bana of lande gewiteð, þa mægas healfne leod forgelden» [2. P. 8]. – Если убийца покинет страну, то пусть его родственники уплатят половину вергельда.

Alfred, 14: «Gif mon sie dumb oððe deaf geboren, þæt he ne mæge synna onsecgan ne geandettan, bete se fæder his misdæda» [2.

P. 70]. – Если кто-либо родился немым или глухим, так что он не в состоянии ни отвергать, ни признавать (вины), то за его преступление пусть платит отец.

Таким образом, *ответственность за содеянное несли и родственники преступника.*

В юридической компиляции конца X в. «О вергельдах»¹ уточняется, какие родственники участвовали в выплате и получении вергельдов. Несомненно, нормы обычного права более раннего времени нашли здесь свое отражение. «Наиболее близкими из них, вероятно, считались три поколения по нисходящей и боковой линиям, т. е., дети, братья и дяди по отцу, а также племянники, дяди и двоюродные братья по материнской линии. Судя по всему, именно этот круг лиц и образовывал англосаксонский “род”. В древнеанглийском языке такие родственные группы носили название *maegas* (ед. ч. *maeg*) и выступали как коллективы сородичей, входивших, возможно, в большие семьи. В королевских законах *maeg* наиболее часто осознается как “кровный родственник”» [10. С. 13].

Своеобразным ограничением кровной мести можно считать и *установление убежищ, где могли скрыться преступники от акта мести.* Такими убежищами были церкви.

Ine, 5: «Gif hwa sie deaðes scyldig, 7 he cirican geierne, hæbbe his feorh, 7 bete swa him ryht wisie» [2. P. 104]. – Если кто-либо повинен смерти и укроется в церкви, то пусть сохранит свою жизнь и уплатит штраф, как ему предписывает закон.

Ine, 5,1: «Gif hwa his hyde forwyrce, 7 cirican geierne, sie him sio swingelle forgifen» [2. P. 104]. – Если кто-либо должен лишиться кожи и достигнет церкви, да будет прощено ему бичевание.

Alfred, 5: «Eac we settað æghwelcere cirican, ðe biseop gehalgode, ðis frið: gif hie fah-mon geierne oððe gearne, þæt hine seofan nihtum nan mon ut ne teo. Gif hit þonne hwa do, ðonne sie he scyldig cyninges mund-byrde 7 þære cirican friðes mare, gif he ðær mare ofgefo, gif he for hungre libban mæge, buton he self ut-feohte» [2. P. 64]. – Также устанавливаем мы каждой церкви, которую освятил епископ, следующую защиту мира: если ее

¹ Be wergilde.

достигнет преследуемый мстью пеший или конный человек, никто не может вывести его оттуда в течение 7 дней. Но если это кто-нибудь сделает, то будет повинен [возмещением за нарушение] королевской защиты и церковного мира и подвергнется еще более [тяжкому наказанию]; если он совершит большее (ибо тот [преследуемый] до голода [7 ночей] может [там] жить); при условии, что он [преследуемый] сам не будет сражаться [на территории церкви].

Alfred, 5.4: «Eac cirican frið: gif hwelc mon cirican gesece for ðara gylta hwylcum, þara ðe æt geuþped næge, 7 hine ðær on Godes naman geandette, sie hit healf forgifen» [2. P. 64]. – Это также церковная привилегия: если кто-нибудь укроется в церкви из-за такого преступления, о котором раньше не было известно, и там покается в нем во имя бога, то да простится ему половина.

Ограничением права мести было и *определение времени или срока, в течение которого можно было мстить*. Так, у германцев мстить разрешалось в течение года со дня оскорбления.

Законодательством были регламентированы и сроки уплаты и получения вергельда.

Æthelberht, 22: «Gif man mannan ofslæhð æt openum græfe .xx. scillinga forgelde, 7 in .xl. nihta ealne leod forgelde» [2. P. 8]. – Если кто-нибудь убьет человека, должен уплатить при открытой могиле 20 шиллингов и в течение 40 ночей возместить весь [остальной] вергельд.

Со временем появились строгие правила, определявшие *обстоятельства, при которых мечь считалась незаконной*.

К примеру, по тому же кодексу Альфреда Великого не подлежал кровной мести человек, сражавшийся на стороне своего господина или на месте преступления убивший насильника своей матери, жены, дочери или сестры.

Более того, запрещалось мстить тому, кто убил чьего-либо родственника, застав его на месте преступления (воровство, покушение на убийство). Родственники даже давали специальную клятву, что не станут мстить обидчику.

Ine, 35: «Se ðe ðeof slihð, he mot aþe gesuðan, þæt he hine fleondne for ðeof sloge, 7 þæs deadan mægas him swerian unceases ad» [2. P. 124]. – Тот, кто убил вора, пусть огласит с клятвой, что он убил его, избегая кражи (возможный перевод – «убил убегающе-

го вора»), и родственники мертвого должны принести клятву о неотмщении.

Wihtræd, 25: «Gif man leud ofslea an ðeofðe, licge butan wer-gelde» [2. P. 42]. – Если кто-нибудь убьет человека за воровство [во время совершения кражи, на месте преступления], пусть останется род убитого без вергельда.

Подозреваемый в убийстве имел легальную возможность отклонить обвинения посредством специальной присяги в ходе судебной процедуры и избежать мщения, что раньше было просто невозможно.

Ine, 46,2: «Ælc mon mot onsacan frymþe 7 werfæhðe, gif he mæg oððe dear» [2. P. 132]. – Каждый человек может поклясться [очищаясь от обвинения в] укрытии [краденого] и в человекоубийстве, если он в состоянии и осмелится.

Интересно, что англосаксонское законодательство разграничивает преднамеренное и непреднамеренное убийство, а также убийство в честном бою и аналогичное преступление с помощью ядов, заговора или колдовства. В последнем случае выкуп был невозможен, начиналась вендетта.

Alfred (пролог), 13: «Se mon se ðe his gewældes monnan ofslea, swelte se deaðe» [2. P. 46]. – Кто *намеренно* убьет человека, пусть умрет смертью.

Alfred, 13.1: «Se ðe hine þonne nedes ofsloge oððe *unwillum* oððe *ungewældes*, swelce hine God swa sende on his honda, 7 he hine ne ymbsyrede, sie he feores wyrðe 7 folcryhtre bote, gif he friðstowe gesece» [2. P. 46]. – Кто убьет по необходимости, или *не желая того*, или *случайно*, как Господь послал его ему в руки, и не устраивал на него засады, пусть будет достоин жизни и возмещения по народному праву (folcryhtre), если он ищет прибежища (friðstowe).

Alfred, 13.2: «Gif hwa ðonne of *giernesse* 7 *gewældes* ofslea his þone nehstan þurh searwa, aluc ðu hine from minum weofode, to þam þæt he deaðe swelte. Se ðe slea his fæder oððe his modor, se sceal deaðe sweltan» [2. P. 46–47]. – Если кто своего ближнего убьет *по желанию* и *намеренно*, возьмите его от Моего алтаря (weofode), чтобы он умер смертью.

Но наиболее гуманную попытку ограничить обычай кровной мести предпринял король Эдмунд (939–946), посвятив весь второй сборник законов этому вопросу. Во вступлении он признает, что вендетта в стране очень распространена, и запрещает

ее по отношению ко всем, кроме самого убийцы. Родственники обвиняемого могут отказаться от родства с ним, после чего любая попытка со стороны сородичей убитого сводить счеты с семьей убийцы будет преступлением против короля.

Edmund, II (Вступление), 2: «Me egleð swyðe, 7 us eallum, þa unrihtlican 7 mænigfealdan gefeohþe betwux us sylfum syndan, þonne cwæde þe» [2. P. 246]. – Мне и всем нам очень досаждают незаконная и разнообразная вражда, которая существует среди нас; мы постановили:

1. «Gif hwa heonan-forð ænigne man ofslea, þæt he wege sylf þa fæh ðe, butan he hy mid freonda fylste binnan twelf monðum forgylde be fullan were, sy swa boren swa he sy» [2. P. 248]. – Если впредь кто-либо убьет человека, пусть он сам несет вражду, если только он с помощью друзей в течение 12 месяцев не уплатит всего вергельда [убитого], какого бы тот ни был происхождения.

§ 1. «Gif hine þonne seo mægð forlæte, 7 him fore-gyldan nellen, þonne wille ic þæt eall seo mægð sy unfah, butan þam hand-dædan, gif hy him syððan ne doð mete ne munde» [2. P. 248]. – Если же род откажется от него и не пожелает платить за него, то я повелеваю, чтобы весь этот род, исключая лишь того, кто это сделал, оставался бы непричастным к вражде, при условии, что он не будет в дальнейшем давать ему ни пищи, ни защиты.

§ 3. «Gif þonne of þære oðre mægðe hwa wræce do on ænignum oðrum men butan on þam riht hand-dædan, sy he gefah wið þone cyning, 7 wið ealle his frynd, 7 þolige ealles wæs þe he age» [2. P. 248]. – А если кто-нибудь из другого рода [из рода убитого] будет мстить какому-либо другому человеку, помимо настоящего преступника, то он будет врагом короля и всех его друзей и потеряет все, чем он владел.

При этом, как мы видим, преступник может избежать возмездия, если в течение 12 месяцев выплатит пострадавшей стороне «полный вергельд» убитого. Закон предписывает и те меры, которые необходимы, чтобы предотвратить кровную вражду. Так, убийца обязан обратиться к родичам убитого (maegas) через посредника. Посредник после переговоров с семьей жертвы гарантировал убийце неприкосновенность для сбора и выплаты вергельда. Срок расплаты составлял 70 дней. В течение этого срока

убийца был под покровительством короля (mund).

Все сказанное выше позволяет полагать, что в деятельности раннесредневековых законодателей права по преодолению и смягчению кровной мести большую роль играло внедрение в судопроизводство общественной морали, принципов правосудия и гуманности. Это свидетельствует о наметившемся переходе от варварства к гуманному, цивилизованному обществу.

Ю. С. Степанов пишет, что «месть – первичная форма наказания, осуществляемая потерпевшим и его ближними. Сначала она крайне неравномерна, так как определяется степенью разгневанного чувства и силами пострадавших. В историческое время она подвергается различным ограничениям, благодаря которым приобретает публичный характер, потому что подлежит контролю общественной власти. Постепенно месть сменяется системой выкупов» [11. С. 432].

Таким образом, мы можем говорить об общем семиотическом процессе – «материальное, физическое воздействие на агенса (в данном случае – подлежащего мести) сменяется воздействием ослабленным, замещением (выкупом)» [1. С. 14].

Итак, мы проследили на примере эволюции понятия «месть» процесс «семиотического ослабления» признака.

Список литературы

1. Проскурин С. Г. Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. Т. 4, вып. 2. С. 11–18.
2. Ancient Laws and Institutes of England / Ed. by V. Thorpe. L., 1840.
3. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. 2.
4. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscripts of the Late Joseph Bosworth / Ed. and enlarged by T. Northcote Toller. L., 1898.
5. Милетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
6. Makarewicz. Einführung die Philosophie des Strafrechts. Stuttgart, 1906.
7. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об

основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. 618 с.

8. *Черри Р. Р.* Развитие карательной власти в древних обществах / Пер., предисл. и примеч. П. И. Люблинского. СПб., 1907.

9. *Letourneau Ch.* L'évolution juridique dans les diverses races humaines [Правовая эволюция различий между человеческими расами]. Р., 1891.

10. *Глебов А. Г.* Пределы эффективности права: законодательное регулирование кров-

ной мести в раннесредневековой Англии // Право в средневековом мире: Сб. ст. М., 2007. С. 11–23.

11. *Степанов Ю. С.* Протей: Очерки хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004. 264 с.

Материал поступил в редколлегию 22.05.2012